

БЮРОКРАТИЯ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ БЮРОКРАТИИ: РЕЦЕНЗИЯ НА СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В.П. МАКАРЕНКО

Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т.
Ростов-на-Дону; Таганрог:

Издательство Южного федерального университета, 2019.

- T.1: *Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. Власть и легитимность. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам. Нереализованная идея столетней давности. 492 с.*
- T.2: *Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? 474 с.*
- T.3: *Что такое троевластие? Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. 599 с.*

Светлана Сергеевна Неретина

*Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 сентября 2020 <i>Принята к печати:</i> 10 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на книги: Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. Рассматривается трехтомник В.П.Макаренко – автора свыше 500 оригинальных трудов, доктора философских и политических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, академика Академии педагогических наук Украины, главного научного сотрудника, руководителя Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Это – произведение человека, посвятившего жизнь исследованию социально-политических процессов, происходящих на его глазах, которые требовали осмысления с точек зрения времени, истории, цивилизации. Собрание сочинений состоит из работ 1980-2010-х годов, которые автор включил в собрание для иллюстрации его сквозной идеи соотношения власти, бюрократии и общества. Отмечаются удачи и просчеты автора. В.П.Макаренко понимает бюрократию как «превращенную форму выражения всеобщих интересов», социальный организм-паразит на всем протяжении его исторического существования, отражение социальных противоречий и конфликтов, материализацию политико-управленческого отчуждения. Разъяснению этого феномена посвящена методологическая мысль Макаренко, задача которого состоит в разработке собственной концепции и разрушении долговременных мифов о бюрократии как образце «рационального управления обществом». Макаренко исходит из различия между именем и дескрипцией и на этом основании описывает бюрократическую онтологию, гносеологию и аксиологию. Концепцию бюрократии В.П.Макаренко можно понимать как вариант теории, которая может попасть под статус ошибки (по теории К. Поппера). Речь идет о преобразовании общего блага как идеального представления в воплощенное всеобщее зло, частным случаем которого являются цивилизация и любая власть. Описаны ошибки различных теорий государственных структур, отношений, власти. Созданное Лениным и Сталиным бюрократическое государство есть формально разработанная система тотальной лжи, следствия и воплощения которой существуют в России до сих пор.</p>
<p>Об авторе: д.филос.н., профессор, главный научный сотрудник, Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук, Институт философии РАН e-mail: abaelardus@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Виктор Павлович Макаренко; бюрократия; власть; государство; общество; постсоветский мир</p>	

Анализировать трехтомник трудно. Не только потому, что это – итог долговременной работы: это произведение человека, посвятившего жизнь исследованию социально-

политических процессов, происходящих на его глазах, которые требовали осмысления с точек зрения времени, истории, цивилизации. Его надо медленно читать.

Виктор Павлович Макаренко – философ, политолог и социолог, организатор и главный редактор онлайн-журнала метадисциплинарных исследований «Политическая концептология». Он сам себя назвал радикальным контестатором – тем, кто последовательно и доказательно опровергает позиции оппонентов относительно того или иного политического, социального или философского события. Обладатель внутренней свободы и соответственного объема знания, позволяющего ему судить о правомочности/неп правомочности тех утверждений, которые удостоверяют истину или ложь провозглашаемой в данный момент идеологии, – он стоит в позиции стороннего наблюдателя, дистанцированного от предмета анализа, и – вместе с тем – находящегося в боевой готовности теоретически сразиться за чистоту и правильность рассуждения. Платон, Аристотель, Г.В. Лейбниц, Ж.Ж. Руссо, Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Вебер, К. Поппер, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, В.И. Ленин, К. Ясперс, М.К. Петров, А.С. Панарин, Г.Д. Гачев, В.А. Подорога, А.П. Огурцов и многие-многие другие философы, политики и политологи, социологи – его собеседники. Это собеседование делает книгу интересной, наполненной живой мыслью и живыми эмоциями.

У трехтомника нет общего названия. Это собрание сочинений, состоящее из работ разных лет, начиная с 1980-х годов, которые автор счел нужным включить в собрание как работающие на его сквозную идею соотношения власти, бюрократии и общества, относительно которого и во взаимосвязи с которым осуществляются и власть, и бюрократия. В первый том включена монография «Вера, власть и бюрократия: критика социологии М. Вебера», впервые изданная в 1988 г., три статьи, тема которых – легитимность власти и перевод главы из книги С. Андрески «Озарения и ошибки Макса Вебера». Во второй вошла монография 1989 г. «Бюрократия и сталинизм: расплата за непоследовательность»; часть тома посвящена, помимо отмеченного соотношения, анализу вопроса о политической инерции и легитимности государственной службы России. Тре-

тий назван «Что такое троевластие? Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность». В качестве приложения помещен перевод работы А.С. Хиршмана «Рыночное общество: противоположные точки зрения», где рассматривается понятие *doux-commerce*, первоначально означавшее «не только торговлю, но и приятную беседу и другие формы любезного общения людей, в том числе между мужчиной и женщиной» (3, с. 511).

Такой состав собрания сочинений и удача и просчет автора. Удача в том, что это создает представление об этапах большого пути, а просчет в том, что автор не дал своим старым идеям нового комментария, чтобы получился диалог с самим собой. Он словно себя распределил по томам: марксист в первом томе, яростный антисталинист во втором, отстаивающий при этом, подобно многим людям 1960-1970-х годов, многие ленинские позиции, и критический антиэтатист в третьем. Но во всех трех перед нами – философ, стремящийся постичь начала того мыслительного предмета, который он взялся прояснить. Он относится к той породе людей, которые, отвечая на исторические вызовы, может осуществлять собственную мировоззренческую переориентацию. И все же о новых поворотах мышления иногда при чтении надо было догадываться, например, что мысль Маркса сместилась с анализа «теории труда как источника стоимости и понятия прибавочной стоимости» (1, с. 445) к анализу социальных причин появления «бюрократического» сознания. Здесь хорошо было бы не просто рассказать, что сместилось в сознании при рассмотрении «взаимосвязи между всеобщими, особыми и единичными интересами в государстве» (2, с. 6), а как сместилось, как стало возможным переплетение интересов по сохранению «частной собственности с выполнением государственных функций и реализацией частных интересов множества бюрократов в качестве всеобщих» (2, с. 7). Ответа на этот вопрос нет, хотя Макаренко обращает внимание на «взаимосвязь разума и интереса» в момент, когда Маркс «наметил свое решение вопроса о природе всеобщего ин-

тереса и описал природу бюрократической всеобщности в категории «государственного формализма» (2, с. 6).

Анализ бюрократии, понимаемой Макаренко как «превращенная форма выражения всеобщих интересов», одним из которых является такая потребность в управлении, при которой всеобщие интересы подменяются узкогрупповыми и индивидуальными (1, с. 12) – это то, что склеивает все три тома. Разъяснению этого феномена посвящена методологическая мысль Макаренко, задача которого, помимо выражения собственной концепции, состоит в том, чтобы разрушить долговременные мифы об этом предмете, затрудняющие и не стимулирующие восприятие новых идей, показать разницу между именем и дескрипцией, незнание которой ведет к искажению истинного состояния дел.

Этот раздел – один из самых интересных в работе. Ибо при правильном употреблении имен, т.е. при их соответствии существованию именуемого предмета, нельзя было бы принимать в расчет ни одну теорию: все они принадлежали бы области идей. Так, «моральное возмущение Маркса привело его к конструированию идеального типа капитализма, в котором существуют только эксплуататоры и эксплуатируемые» (3, с. 91). Мы не могли бы называть государство социалистическим, поскольку в нем не было социализма. Дескрипция же не подчиняется такому ограничению, а потому вполне реально говорить о бюрократии социалистического государства, наделяя статусом существования то, чего нет. Это значит, мы существуем или существовали, были счастливы или несчастливы, получали награды, подвергались репрессиям в том, имя чего не соответствовало нашим понятиям о том, в чем мы живем или жили: это как бы параллельные миры. Такой парадокс, свойственный любому проекту государства (диктатуры ли пролетариата, казарменного коммунизма, града земного или небесного), обуславливает его легитимность/нелегитимность, его добро и зло, свободу, равенство/неравенство, социальный порядок/беспорядок. Язык – полновластный представитель человека – обеспечивает господство одних идеалов и принципов и ущемление других,

лишая то и другое надежного критерия «теоретического описания социополитического мира» (3, с. 10).

Исходя из этой методологии, Макаренко пытается строить «бюрократическую онтологию», обнаружить ее слагаемые, показать чиновника как социального типа, выставить «бюрократический принцип типологии граждан», добавить к видам познания еще и бюрократическое познание действительности. Его концепцию бюрократии можно понимать как некий вариант теории, вполне могущий попасть под статус ошибки (по теории К. Поппера), позволяющей преобразовывать общее благо как идеальное представление в воплощенное – вследствие пространственно-временного искривления – во всеобщее зло, частным случаем которого являются цивилизация (3, с. 10) и любая власть (3, с. 163). Уже в силу этого представленная концепция антиэтатистская, не говоря уже о вскрываемых ошибках (прежде всего у Маркса и Ленина) в разных теориях государственных структур, отношений, власти.

Именно Маркс сформулировал идею бюрократии как «организма-паразита». Сам Макаренко нашел в этом точку опоры, которая, на его взгляд, требовала уже не философско-методологического анализа, что делал Маркс, а практически-политического анализа, осуществленного Лениным, решавшим задачи революционного преобразования буржуазного общества. Здесь требовался комплекс конкретных мер: реформирования законодательства, суда и полиции в первую очередь, выработки «принципов отбора судей», «минимализации и максимализации наказаний за уголовные преступления», выяснения «причин сакрализации государственного аппарата и влияния политических традиций страны на отношения между гражданами и карательно-репрессивными органами государства» (2, с. 14).

Макаренко обращает внимание, что содержание, требуемое от философско-методологического рассуждения, ориентировано на правовые возможности, развязывающие и позволяющие репрессивные деяния, во время революций выходящие на первый план. Смысл высказываний Макаренко именно в этом: при допущении столь

высокоразвитой всепоглощающей бюрократии, обладающей средствами насилия, любые попытки ее разрушить обречены на провал. Все же он согласен с Лениным, который «считал, что только социалистическая революция создает политические предпосылки для преодоления бюрократии» (2, с. 16), хотя это слова, усыпляющие разум. Впрочем, он и сам говорит, что «при социализме укрепляется бюрократия» и «среди факторов, способствующих сохранению и укреплению» ее «в процессе социалистического строительства», называет «возрастание роли государства».

Высказывания Макаренко о политической и экономической прозорливости Ленина и о политэкономической тупости Сталина, постоянно перекрываемые его же утверждениями, что речь у Ленина идет только о практическом решении действительно экономических вопросов (НЭП) при соединении личной власти с диктатурой неграмотного большинства, представленного пролетариатом, на мой взгляд, есть остаточное нежелание заявить о себе как сменившем точку опоры, ибо никакой прозорливости в создании экономики средствами террора нет. Речь или о противоречивости взглядов Макаренко, либо об их радикальной смене. Весь третий том – свидетельство нового концептуального выбора, состоявшего в признании тотального государственного контроля, метафорически называемого автором «командно-бюрократическим управлением» и установленного при сталинизме. Макаренко описывает созданное Сталиным бюрократическое государство как формально разработанную систему тотальной лжи, состоявшей в частности в том, «чтобы связать сталинизм с марксизмом. И возложить вину за его извращения, которые были и остаются по сей день делом рук и рассудка конкретных людей, на основателей» (с. 132). Вся сложившаяся система управления способствовала развитию и упрочению деспотических склонностей Сталина, содействовала огосударствлению марксизма и превращению его в государственную религию.

Создавая свою концепцию Макаренко видит эвристические возможности разрешения конфликта имен и дескрипций в

«традиции аксиологического нейтрализма, восходящей к М. Веберу» (3, с. 90). Потому он и начинает книгу с анализа идей Вебера – «чемпиона социологии», который представлял «бюрократию воплощением принципов рационализма и “господства на основе знаний”... в отличие от господства на основе традиций, харизмы, старшинства или обладания собственностью, как в случае патримонической власти».

Вебер оказался для Макаренко ключевой фигурой и для демонстрации нераздельности материальных интересов и идей. Существовая изолированно, они тем не менее взаимодополнительны друг другу. Вебер выводил развитие рационального стремления из «духа протестантизма» – трагедийного учения о предопределении, смысл которого сводился к образованию однородно-рационального стиля жизни, свидетельствовавшего об освобождении человека от грешных земных забот без надежды на воздаяние. Макаренко определил исследовательскую программу Вебера как попытку выйти за пределы одностороннего препарирования истории, смещая внимание с понятия на понимание.

Именно в этом в акценте на понимание помощь Вебера оказалась весьма действенной, важнее упования на экономику и прочие материальные интересы. Макаренко полагает, что «метод понимания определяет специфику гуманитарного знания» не только Германии конца XIX – начала XX в., но и нынешней России: термин «понимание» многозначен, и веберовская концепция – частный случай многозначности, способствующий выявлению мотивов, которыми руководствуются индивиды в своем поведении и деятельности. Но процесс понимания, заметим, как раз и способствует формированию концептов, природу которых забыл пояснить автор, а концепт мотива оказался выведенным за рамки психологии, приобретает общеметодологическое значение.

Но миф Вебера о бюрократии, анализу которого посвящен специально весь первый том, оказался, однако, совершенно непригоден для понимания и российской власти и теории этой власти, «в которой сила и террор государства полагаются главным

фактором» (1, с. 12). Соответственно речь не может идти об ее универсальной значимости. Для Макаренко российская бюрократия – это социальный организм-паразит, в XX в. полностью сросшийся с партийно-государственным аппаратом, а сейчас с государственно-политическим. Она стала представлять собой суперклассовое¹ образование, в котором сосредоточены экономические, политические, социальные и духовные статусы. Потому говорить о власти ли, государстве, политике – это говорить о бюрократии, которая выступает в этом перечне на первый план, ибо именно она конкретно, именами, материально олицетворяет эту троицу. Разговор о бюрократии – это теоретический разговор, предполагающий предельные основания, и разговор, адресованный к носителям власти, принимающим конкретные решения.

Для анализа российской бюрократии, Макаренко вводит важные для его концепции понятия: «политическое отчуждение», «понимающая интерпретация», «интерес», «мотивация» и механизмы ее складывания.

Мотив – нечто зыбкое, способствующее выявлению политического отчуждения, понятия, весомого для Гегеля, Маркса, Хайдеггера, под воздействием которого сформировались два противоположных «политических чувства»: равнодушие к судьбам государства и пиетет к нему. Именно мотив способствует разделению общества, закрепляя его идеологические формы, сбивая людей в определенные группы, деятельность которых и сознание в которых окостеневают. Вот тогда «отчуждение становится тотальной характеристикой буржуазного периода развития человеческой истории» (1, с. 364), не исчезнувшее и по сей день. «Отчуждение» – термин, заставляющий совершать подмену понятий, имен, определений. Макаренко полагает, что всем обществам и государствам свойственна социальная мимикрия, влияющая и на политический интерес.

¹ Думаю, что это не слишком верное именование, ибо у нас приставка «супер» имеет статус превосходной степени; здесь же она употреблена только в значении «сверх», что вообще придает бюрократии метафизический статус.

Политическое отчуждение определяется им так: «это целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий» (3, с. 12). Это не «идеи “естественных прав”, “общественного договора”, “прав человека”, “законов истории” и вытекающие из них концепции власти» (там же). Политическое отчуждение связано с самой плотью бытия, жизненного мира, оно «обусловлено формированием государств. В его состав входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами» (там же). Это формы естественно складывающейся, пусть и оказывающейся иллюзорной, «общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство)» (там же), преобладание этнической, национальной солидарности «над духовными связями людей; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики» (там же). Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления, определяя его содержание (см.: 3, с. 11-12).

Предлагаемое определение, на наш взгляд, все же несколько размывает смысл отчуждения, в котором корневым является вопрос о чуждости, разделении, ибо, и по словам Макаренко, власть происходит от «соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции мышлением» (3, с. 12). Но потому и договорные отношения не могут быть исключены из содержания понятия «отчуждение», поскольку договор на то и договор, что его заключают *разные* общественные группы, слои, классы, определяющие в нем свои условия. Весь пафос последующего изложения автором отчуждающего процесса, связанного в том числе с гражданским сопротивлением, заключен именно в этом сегментирующем процессе. Ибо, как он пишет, «любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления» (там же), и «за-

дача социальных наук – распределение любых форм политического и гражданского отчуждения», ибо народ испытывает необходимость в гражданском сопротивлении там и тогда, «где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции» (3, с. 15). Поскольку же «в СССР после 1917 г.» – и это факт – «сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть» (там же), то естественно возник антагонизм между интересами трудового народа и этого класса, затушевываемый и даже скрывающийся властью, как скрывалось за разного рода политическими метафорами и инверсиями явно существующая в СССР эксплуатация человека человеком. Именно в поисках начал жесткого отделения власти от нужд человеческой жизни – исследовательский пафос Макаренко. И, как обычно, эти поиски ведут в сторону «татаро-монгольского ига», политический смысл которого объясняется, однако, не как обычно.

Макаренко оспаривает идею, что от «ига» ведутся традиции российского государства: ссылка на эти традиции, на его взгляд, «стала общим местом государственной идеологии, историографии и пропаганды». Он дает совершенно иной взгляд на это событие, интерпретируя почти трехсотлетнее господство монголов над русскими землями, князья которых находились в тесном сотрудничестве с поработителями, раболепствуя, угодничая, предавая друг друга, как возможность «искусственного отбора» лиц, обладающих низкими моральными качествами, пользовавшихся чужой военной силой, сплотивших свои интересы с интересами врагов (3, с. 233). Эти процессы, на взгляд Макаренко, «повлияли на становление русского национального характера» (3, с. 255), более того, они привели к тому, что «причиной различных форм классовой борьбы в русской истории» стало государство. «Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения» (3, с. 22-23). Это позволило ему – и справедливо – не согласиться с оценкой А.С. Пушкина и считать русский бунт «бессмысленным и беспощадным» (см.: 3, с. 23).

«В любом восстании был смысл, поскольку оно позволяло скорректировать политику государства. За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости». Главное здесь – смычка власти князей с собственностью. Потому «бессмысленной и беспощадной была политика государства, которая никогда не отличалась смыслом и милосердием» (там же).

Макаренко показывает этапы скрепления власти с экономикой, политикой и социальными структурами. Одним из основным методологических оснований у Макаренко является утверждение границы между философской рефлексией и мифологизацией, причем под мифом он понимает, как правило, систему ложных представлений. Не входя в разбор этого понятия, я сошлюсь на книгу М.Я. Гефтера «Третьего тысячелетия не будет»², посвященную во многом тем же проблемам, что книга Макаренко.

Гефтер прорывал другое русло. Задолго до заявлений о желании возродить 1000-летнюю Россию он утверждал их тщетность, поскольку русская история не является непрерывной, она – цепочка цезур. «Ни один квалифицированный историк не скажет, что маленькие славянские княжества простым “ходом исторического развития” могли за столетие вырасти в державу, простершуюся до Тихого океана. Эту возможность открыло Москве сокрушительное событие нашествия монголов. Последний центральноазиатский кочевой выброс – не простая пауза в сплошном процессе, а цивилизационная катастрофа домонгольской Руси». В отличие от Макаренко Гефтер не считал, что таким образом складывается русский национальный характер. Напротив, это «обвал русскости, а там уже – возобновление русской истории заново из руин, в ипостаси *российской*... Если у политика-лидера нет сознания этой опасной *прерывности* русской истории, он сам опасен для России»³. Гефтер считает, что Россию создавали беглые крепостные, заполнявшие просторы, оставленные

² Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. М.: Европа, 2015.

³ Ibid.

татаро-монголами, оседавшие на этих просторах, где жили люди других этносов. Они, смешиваясь с ними, могли называть себя вольными, или казаками. Они бежали от власти, а та их «догоняла, вбирала в себя – и они становились субстратом власти. Оттого из их среды мог выйти человек, объявивший себя императором Петром III. Все его окружение знало, что он Емелька Пугачев, их это устраивало. Они уже вошли в контекст русской власти-самозванки». Нагоняя беглецов, царь “нахлобучивал” на них “государев двор с холопьями”... Это опрокидывание холопства на Евразию – гениальная политическая импровизация... Парадигма Грозного – это холопский оттиск, который он оставил России»⁴.

Размышления Гефтера по поводу российской истории имели целью то же, что имел в виду и Макаренко, даже антиэтатизм тот же и тот же вопрос: можно ли отсрочить ее новый обвал, но только для Гефтера это означало – в отличие от Макаренко, – что даже при численном превосходстве русских ими завоеванное пространство не становилось русским ни в национальном, ни в этническом отношении, оно сразу становилось Миром, который можно назвать русским миром, которого жаждал Ф.М. Достоевский, П.Я. Чаадаев, народоволец А.Д. Михайлов и Ленин, к которому Гефтер, не прекращавший им интересоваться как историк до конца дней, относился как к продолжателю этого направления мысли: Россия Ленину была важна именно как то, что выстраивает универсальную историю, на этом завершающуюся. Россия понималась не как экспериментальная площадка для последующего прыжка в европейское пространство, а как втягивание в себя этого пространства. Именно такого рода экспансию Гефтер считал началом конца истории, в качестве причины которого называл «гибридные» основания: смешение абсолютного зла с абсолютным добром. В этом – перекрестье с Макаренко.

Если посмотреть на идеи бюрократической власти с двух точек зрения (в данном случае Гефтера и Макаренко), тогда завязывающийся узел проблем предстает в большем динамизме, который свидетельствует о

⁴ Ibid.

возможных точках слома, ибо мы находимся уже не в «обстоятельствах XIX в., даже не XX в., а в гибридной цивилизации XXI в., включающей в себя петрогосударство, коммерческое государство, институты сетевых структур. *Этому* миру не менее присущ рост социальной напряженности, обезличенности: люди в масках, сериалы с одинаковыми сюжетами, странные войны – все это усиливает и как бы выставляет напоказ ту самую трехголовую властную бюрократизацию, о которой пишет Макаренко, с одной стороны, а с другой – рождает быстро разваливающиеся концепты власти, потому что они меняются с той скоростью, которую допускают новые технологии. Власть уже выполняет другие функции, осуществляя, например, милитаризацию сознания и ставит под вопрос саму необходимость философии как действительно дающей обоснование бытию и мышлению и как свободомыслие. Философ старается вмешаться в социальный процесс, не будучи готов к изменившимся обстоятельствам. Он старается вернуться в цивилизованное русло, хотя цивилизация поправа, или (см. Гефтер) ее у нас и не было, а потому вместо того, чтобы составлять уставы “новых Атлантид”, мы все еще пытаемся понять старые – через Платона ли, Маркса, Вебера. Но это в «той» жизни за опытом прыгали. В цифровую эпоху вопрос стоит иначе: в какой мере вообще нужен прошлый опыт?

Нынешние «обстоятельства» разрушили старую матрицу. Отсюда и ощущение полного отчуждения от цивилизации или: требование нового прочтения истории. Она не стагнации требует, а именно перечитывания. В этом смысле книга Макаренко как нельзя более злободневна – сталкивая позиции, она высекает искру нового понимания.

Литература:

Макаренко В.П. Собр. соч.: в 3-х т. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019.

References:

Makarenko, V.P. *Sobr. soch.:* v 3-kh t. [Coll. cit. : in 3 volumes]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

BUREAUCRACY OF POWER AND OF THE POWER BUREAUCRACY. REVIEW ON THE COLLECTION OF ESSAYS BY V.P. MAKARENKO

Makarenko, V.P. *Sobr. soch.*: v 3-kh t. [Coll. cit.: in 3 volumes].
Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019.

Svetlana S. Neretina

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 05.09.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 10.09.2020</p>	<p>Abstract: Review of the books: Makarenko, V.P. <i>Sobr. soch.</i>: v 3-kh t. [Coll. cit.: in 3 volumes]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2019.</p> <p>This is the review of the three-volume book by V.P. Makarenko, the author of over 500 works, Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Chief Researcher, Head of the Center for Political Conceptology of the Institute of Philosophy, Social and Political Sciences of the Southern Federal University. This is the work of a person who devoted his life to the study of socio-political processes taking place before his eyes, which required understanding from the point of view of time, history, and civilization.</p> <p>This collection comprises essays written from 1980s to 2010s. The author included them to illustrate his cross-cutting idea of the relationship between power, bureaucracy and society. The author's successes and failures are also noted. V.P. Makarenko understands bureaucracy as a 'transformed form of expression of universal interests', a social organism-parasite throughout its historical existence, reflection of social contradictions and conflicts, materialization of political and managerial alienation. The methodological thought of Makarenko is devoted to the explanation of this phenomenon, whose task is to develop his own concept and destroy long-term myths about bureaucracy as an example of 'rational management of society'.</p> <p>Makarenko proceeds from the difference between name and description and on this basis describes bureaucratic ontology, epistemology and axiology. V.P. Makarenko's concept of bureaucracy can be understood as a version of a theory that can fall under the status of error (according to K. Popper's theory). It implies the transformation of the common good as an ideal idea into an embodied common evil, a particular case of which is civilization and any power. The errors of various theories of state structures, relations and power are also described. The bureaucratic state created by Lenin and Stalin is a formally developed system of total lies, the consequences and incarnations of which still exist in Russia.</p>
<p>About the author: Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: abaelardus@mail.ru</p>	
<p>Viktor Pavlovich Makarenko; bureaucracy; power; state; society; post-Soviet world</p>	

Для цитирования: Неретина С.С. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В.П. Макаренко // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 201-208.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059

For citation: Neretina, Svetlana S. *Byurokratiya vlasti i vlast' byurokratii: retsenziya na sobraniye sochineniy V.P. Makarenko (Bureaucracy of Power and of the Power Bureaucracy: Review on the Collection of Essays by V.P. Makarenko)* // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 201-208.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10059